

У него были деньги, дом в Малибу и адское состояние души

Вадим Пересветов

С экс-вокалистом и гитаристом группы «Парк Горького» Алексеем Беловым мы беседуем в его небольшой домашней студии. Среди нагромождений инструментов, компьютеров и прочей хитрой аппаратуры остается совсем немного места, но комфорт – не основное, главное – есть о чем поговорить. После «американского» периода много воды утекло. Ныне группа именуется «Парком Белова», Алексей женился на замечательной певице Ольге Кормухиной, а их дочке Анатолии уже полтора года. Да и Америка уже давно видится по-другому. Собственно об этом и о многом другом наш разговор.

– Алексей, с чего началась Америка для «Парка Горького» и для тебя лично?

– Лично для меня с эйфории. Шел 1988 год. Первая встреча с Америкой для людей, знавших эту страну только по пластинкам разных групп и исполнителей да по телепередаче «Международная панорама», была ошеломительной. Поначалу мы поселились в Нью-Йорке. Я прилетел первым из ребят, и меня на лимузине повезли на концерт суперпопулярной в то время Whitesnake. Я был представлен музыкантам, которые разговаривали со мной на равных. И это тоже подогрело эйфорию, которая продолжалась довольно долго. В общем, это можно сравнить с тем, когда сластену приводят на шоколадную фабрику и он долго не может остановиться, во всяком случае, до тех пор, пока не почувствует, что у него отваливается печень.

– Но приступы печени от сладкого способны охладить кого угодно...

– Да, так оно и было. Первое сильное охлаждение произошло, когда после всех уверений, что мы все одна семья, началось судебное разбирательство с нашим менеджментом. После этого последовала борьба за выживание. Сложилась непростая ситуация, при которой мы, с одной стороны, стали популярными, а с другой стороны – нам перекрыли финансовый кислород и мы оказались в полной изоляции.

– А зачем это было нужно? Чтобы убрать чужеземного конкурента с музыкального рынка?

– Нет, как раз наоборот, мы были теми, кого не бросают. Просто многим хотелось откусить кусок пирога. Нашему появлению в Америке предшествовала довольно длинная волокита с нахождением рекорд-компании и подписанием контракта. Но уж когда все было готово, то сам президент фирмы PolyGram обнимал нас и говорил, что делает нас суперзвездами. Нам дали зеленый свет. Все происходило по стандартному сценарию: ротация по радио, клипы на MTV, как следствие – быстрая продажа пластинок и успешный тур по всей Америке. И совершенно неожиданно открылось исчезновение нескольких миллионов долларов из бюджета группы, а менеджмент при этом попытался скрыться. Те, кто давал им эти деньги, начали за ними гоняться и затем судиться. И пока длилось судебное разбирательство, ни о какой нормальной работе не могло быть и речи, хотя для шоу-бизнеса «Парк Горького» по-прежнему оставался привлекательной группой.

– Сколько пластинок было продано к тому времени?

– Где-то около полумиллиона. Я это помню потому, что фирма отчитывалась перед нами о продажах. Как можно было отпустить таких артистов?... В нас были вложены огромные деньги! Хотя тогда у нас были варианты: мы могли все бросить и уехать домой или же уперто выживать. Мы выбрали второй путь. Было время мытарств. Вокруг нас крутились аферисты мирового уровня, манипулировавшие огромными деньгами. Нужно было держать ухо востро... В итоге у нас все-таки появился хороший менеджмент, и мы переехали в Лос-Анджелес.

– В каком доме ты там жил?

– Сначала мы жили все вместе в огромном четырехэтажном 16-комнатном доме. Его, кстати, можно увидеть в клипе Tell Me Why. Потом мы из него стали разъезжаться: семейные ребята переехали в хороший дом в Инсину, а холостые в Голливуд. Наш дом стоял как раз под этими огромными буквами Hollywood в девятистах метрах от хором Мадонны. Потрясающей красоты место! Этот двухэтажный домик висел на обрыве, внизу была лощина. В хорошую погоду был виден океан.

И там всегда было свежо. Даже когда внизу была сковорода и пекло, у нас среди зелени всегда было прохладно – не нужно включать кондиционер. Вообще каждый дом, в котором мы жили, можно описывать часами. Но я очень рад, что я вернулся жить в Россию как раз тогда, когда мог позволить себе в Америке очень многое.

– Ну, а каковы были причины? Ты устал, тебе все надоело или же ты почувствовал, что отрываешься от своих корней?

– Нет, я всю жизнь, как мне казалось, был космополитом и полагал, что нормальный человек может жить везде. Мое дело было творить и стараться оставаться самим собой – не идти против собственной совести. В 1985 году я вообще думал уехать насовсем и даже делал себе фиктивный брак. Но после перестройки такой необходимости уже не было. И я тогда не думал, что отрываюсь от корней, просто эти корни сами дали о себе знать. Все произошло тогда, когда мы стали приезжать в Россию все чаще и чаще: сначала для записи с симфоническим оркестром, потом представлять нашу новую пластинку, затем через

Постепенно меня стала захватывать духовная жизнь России. Я начал читать книги духовного содержания и изучать историю России именно с этой точки зрения, время от времени заходил в храм. Моя душа требовала этого абсолютно и безоговорочно. Несмотря на всю мою занятость, я понимал, что это важнее. И когда у меня появился маленький духовный опыт, многие вещи открылись. Это как когда смотришь в мутную воду и ничего там не видишь. А потом ждешь, ждешь, грязь оседет, и на дне видны камушки, там железяка ржавая валяется, банка от кока-колы – картина становится ясной. Так же и у меня стало. Как в телевизоре. Контрастность прибавилась. Светло-серое стало белым, темно-серое стало черным. И темное и светлое резко обострилось. И вся Америка стала для меня вот такой маленькой (показывает на пальцах), мелкой-премелкой, абсолютно уже ничего не значащей.

– Интересно...

– Конечно, человек привыкает к комфорту, но когда он живет разнообразной жизнью, когда у него бывают взлеты и падения, то он начинает ценить совсем другое, нежели жизненные удобства. У меня были такие моменты, когда не было денег, а душа радовалась. А были деньги, хороший дом в Малибу, но само состояние души было адское. Видимо, душа говорила: это не твое. Я не мог себе тогда этого объяснить. Когда мы уехали назад, то сразу как-то все выровнялось... Потом я возвращался в Америку как бы по инерции. В доме еще оставались мои вещи, мебель, картины, аппаратура, шмотки, но все жло без меня, и я начал сомневаться: а нужно ли мне это? Все там так и осталось.

– Леша (в студию входит Ольга с Анатолией на руках), к тебе тут человек с гитарой.

– Ага, а сейчас, – извиняется Алексей, – это ненадолго.

Пока он пробует в коридоре инструмент, я слушаю новый хит с символическим для Белова названием «Сделано в России».

– Это что, так альбом будет называться? – спрашиваю я у него, когда он возвращается.

– Может быть, и по-другому, не знаю. Среди песен, которые должны войти в него, много интересных, и в текстах есть очень яркие словосочетания. Он уже на подходе. Сейчас осталось кое-что доделать. Думаю, что к концу года его уже можно будет услышать. Там сохранен дух «Парка Горького», но все песни русскоязычные. И хотя название у группы новое, все равно всем понятно, что к чему.

– А кто сейчас с тобой играет?

– Из старого состава остался клавишник Коля Кузьминых, и пришли два новых парня: Алексей Нелидов – бас-гитара, вокал (экс-«Ангелы и Демоны». – Прим. В.П.) и очень сильный барабанщик. Саша Макин. Он поет, также умеет играть на клавишных и на гитаре. Очень интересный у нас коллектив сейчас. На концертах мы где-то в середине выходим втроем на авансцену, берем акустические гитары и даем такой unplugged. Людям очень нравится. А потом продолжаем все в электричестве.

– Наверняка параллельно работаешь еще над чем-то.

– Да, я пишу музыку для альбома Ольги. Потом у нас с ней появилась идея еще одного акустического альбома, где голос будет выдвинут на передний план, а инструменты будут скупым минимумом, но по делу. Пробую писать музыку для кино. Мне это всегда было интересно. Музыка «Парка Горького» часто попадала в американские фильмы, благодаря тем камерным фрагментам, которые были в наших песнях. Мы их вставляли с единственной целью – показать, что мы тоже так умеем. Но кто знает, вдруг со временем это станет основным. Конечно, хит есть хит, но мы же не сможем прыгать как козляки до самой могилы. Хочется делать и что-то серьезное.

– Мы немного отвлеклись от темы, на чем мы там остановились?

– То познание, которое я получил в России, и те вещи, которые открылись для меня за счет опыта, а этот духовный опыт нельзя обрести в библиотеках, обесценили Америку, и она перестала иметь для меня какое-либо значение. Люди такой глубины и таких дарований, которых я встретил в России, в Америке не живут. Их там просто нет. То, что я могу получить здесь для своей души, там тоже отсутствует. Я здесь могу, например, взять и поехать в Оптину Пустынь в любое время, и мне могут дать пожить в скиту, в котором жили старцы. Многие люди там черпали силы для жизни. Достоевский и Гоголь в этой духовной жемчужине России жили месяцами. Достоевский, при упоминании о котором вся Америка снимает шляпу.

– Что-то я сомневаюсь, что они там вообще знают, что такой Федор Михайлович.

– Те, кто знает, снимают шляпу. Но даже те, кто не знает, тоже снимают, потому что чувствуют, что это о-о-о очень круто. Правда, я сам для себя Достоевского открыл относительно недавно. В школе я был невниматель-

Вокруг нас крутились аферисты мирового уровня, играющие огромными деньгами. Нужно было держать ухо востро...

год в тур. Правда, через угар в России тоже пришлось пройти, потому что артистов всегда окружают люди, которым чего-то не хватает несмотря на то, что у них все есть. Я не имею в виду мещанов, я имею в виду тусовщиков. После этого глаза как-то открылись на реальность. На реальность вообще.